

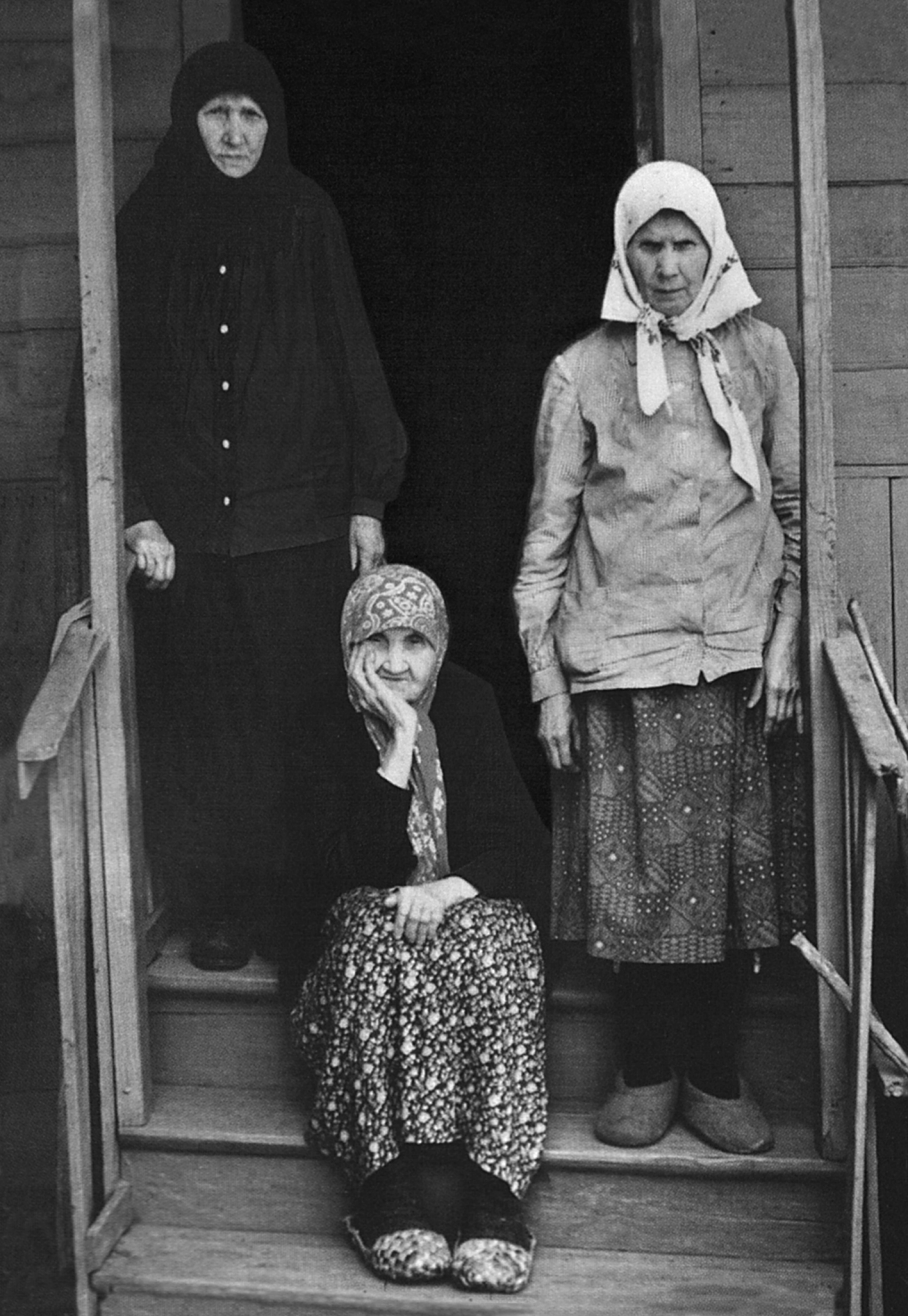




# Три(в)чница

*Повесть о сестрах  
Анисье, Матроне и Агафье  
Петриных*







## От автора

Сестры Петрины, Анисья (1890–1982), Матрона (1902–1995) и Агафья (1910–1996), почитаемые подвижницы веры и благочестия. Родились они в Шацком уезде Тамбовской губернии (ныне это Шацкий район Рязанской области) и жили при разных государственных устройствах: в Российской империи, в Советском Союзе, а после распада СССР в Российской Федерации. Не раз на их глазах кардинально менялась жизнь народа, но их вера в Бога — живая вера в живого Бога — не менялась, и такую же веру возгревали они в людях. В годы



гонений на Церковь, когда закрывались храмы, а священство подвергалось репрессиям, Петрины, как и десятки других воздвигнутых Богом старцев и стариц, не дали угаснуть вере в народе, а в годы, когда гонения прекратились, передавали свой опыт познания Христа.

Повесть об Анисье, Матроне и Агафье Петриных — произведение художественное, однако в основе ее лежат реальные исторические факты. В ней использованы воспоминания старожилов села Ялтуново, записанные автором в конце прошлого века, новые данные, а также материалы книги «Сестры: Очерк жизни сестер-подвижниц Анисии, Матроны и Агафии».

Елизавета Флоровна, от имени которой ведется повествование, образ собирательный. Он создан на основе воспоминаний о близких Петриным странницах — Маше Конобеевской (Марии Синицыной) и Маше Петроградской (Марии Паршиной).



*От автора*

Жизнь сестер Петриных — пример верности Христу и любви к ближним. Кроме того, это живая история нашего народа и Русской Православной Церкви. Она учит нас, как с Божией помощью преодолеваются даже непреодолимые препятствия на пути к Богу.





## *Часть I*

# Карпуня-книгочей и старец Григорий

## *Глава 1*

### *На хуторке*

Хоть и назвали меня пышным именем Елизавета Флоровна, только как с детства называли Лизкой, так называют и до сих пор. А мне уж девяносто пять стукнуло. Хорошо хоть, что о прозвище, Лизка-егоза, никто не вспоминает. Прозвище это дала мне мама, потому что я когда волнуюсь, то ерзать начинаю.

Маменька моя, маменька... Папеньку, Флора Кузьмича, я помню плохо, он помер, когда мне всего пять годочков было. А вот маменька, Акулина Трифоновна... Она и сейчас перед глазами как живая стоит:



лицо круглое, милое, глаза заботливые, голосок тихий, шелковистый. Да... Жили мы между Ялтуновом и Вышей на хуторном домике. Всего таких домиков было три — наш, Зайцевых и Шапкиных. Маменька шутила, что Зайцевы зайцев ловят, а Шапкины из них шапки шьют. Домики наши стояли в лесу. Помню старые мудрые сосны и веселые озорные березки. Помню, как на закате золотились верхушки высоких деревьев. Ну прямо как нимбы над головами святых. Святая она, природа наша русская...

Недалеко от нашего домика пролегла дорожка в Вышенский Успенский монастырь. Шли по ней странные странники, шли, а на отдых останавливались у нас. Бывало, что ночевали. Чудный люд! Сколько духовных стихов да песен знали — не перечесть. Зайдут, бывало, к нам трое, много пятеро человек и в благодарность за приют и хлеб начнут свои сказы





сказывать, словно венки из цветов сплетать. Про Алексея, человека Божия, про Лазаря-бедняка и Лазаря-богатея, про Егория Храброго, то есть Георгия, который Победоносец. А как запоют, то льются их голоса, журчат, как ручейки, и омывают сердце умилением.

У нас белый свет взят от Господа,  
Солнце красное — от лица Божия,  
Звезды частыя — то от риз Его,  
Роса утренняя, дробен дождичек —  
От слез Его, Самого Христа, —

пели-распевали страннички древние песни калик переходящих. И оживлялось мое сердечко и начинало трепетать, как жаворонок в небеси... Ныне вспоминаю тех странников и думаю, что от них я, наверное, такой говорливой да певуньей выросла. А какие дивные сказы о своих странствиях они сказывали! Я прямо с детства решила: буду странницей. Сказала как-то об этом маменьке, а она почему-то нахмурилась:



— Читай Евангелие да Псалтырь. В них все есть. И ходить никуда не надо.

— Нет, стану я странницей. Дойду до самой Святой Земли.

— Не перечь! Что тебе странничать? Блажь это!

Ну, это она так говорила, а сама, когда на Вышу в Успенский монастырь ходила, завсегда меня с собой брала. И в шацкую Никольскую церковь мы с ней ходили, и в село Желанное, в Архангельский храм. А уж про Евангелие да Псалтырь маменька не забывала, никак не забывала. Она по ним читать меня учила. Не единожды мою грамотность проверял Василий Афанасьевич по фамилии Карпунин. Книгочей. Много чего знал. Жил в селе Черная Слобода. Бывало, по нашей дороге проходил на Вышу, в обитель Успенскую.

О, что это за человек был, Карпунин Василий Афанасьевич! С виду статный, лицо благородное, глаза вещие, волосы



и борода кудреватые. Одевался доброт-  
но, одежда на нем ладно сидела. Мамень-  
ка сказывала, что Василий Афанасьевич —  
не Василий Афанасьевич, а инок, и зовут  
его Вонифатий. Только в народе его име-  
новали по-другому. Одни уважительно —  
Василий Афанасьевич, другие ласково —  
Васенька, третьи — Карпуня, по фамилии.  
А раз он книгочей, то ему дали прозвище —  
Карпуня-книгочей. А что? Мне нравилось.  
И уважительно, и ласково, и по фамилии.  
Маменька сказывала, что Карпунин не про-  
стой. Юродствует Христа ради. А еще учи-  
тель духовный. Мне не верилось, что он  
юрод. Лишь потом я про это поняла.

Ну, вот приходил этот юродивый кни-  
гочей и о своих учениках духовных рас-  
сказывал, особо об Алексее Филиппови-  
че Петрине да его супруге законной, Анне  
Дмитриевне, которые в селе Польное Ялту-  
ново жили. Как-то разговорился он про их  
детей — сестер Анисью, Матрону и Агафью.



Было это... Когда ж это было? Мне пятнадцать лет тогда исполнилось, а родилась я в тысяча девятисотом году... Ага, значит, дело было где-то в девятьсот пятнадцатом году. Вот что тогда поведал нам Василий Афанасьевич.

— Аниська на белый свет появилась первой, — неспешно, как равнинная речка, тек рассказ Василия Афанасьевича. — Вот... Второй родилась у Петриных Матреша, Мотря, ну, а третьей — Ганя, Агафьюшка. Ей сейчас всего пять лет. Анисье двадцать пять, а Мотре, значит, тринадцать. Еще у них есть братишка Миша.

Он в девятьсот... девятьсот... — а! — девятьсот тринадцатом году на свет Божий появился. Сейчас ему всего два годочка. Это я к тому, чтоб ты, Лизка, знала про них побольше. Мнится мне, — и тут Василий Афанасьевич зорко посмотрел на меня вещими глазами, — что ты, Лизка, их жизнь



потом познаешь. Потом... А пока про них, про нынешних, послушай.

Я не могла в толк взять: к чему Карпуня-книгочей меня поминает? Заерзала.

— Не спеши, егоза, все в толк брать, — сказал старец. — Придет время — поймешь. А время — такая штукавина... Оно не кобыла, его не погонишь и не остановишь. А пока слушай.

Первая дочка Петриных, Аниська, родилась на Рождество, когда «хор ангелов в ночи глубокой, в полночной звездной полумгле, воспел вдруг: “Слава в вышних Богу, да будет мир на всей земле”».

Я как услышала такие слова от Карпуни-книгочая, так опять заерзала. Уж очень складно он говорил, красиво...

— Росла Аниська крепенькой, бодрой, — продолжал старец, — а когда ей восемь лет исполнилось, искупалась она с ребяташками в речке. Другим ничего, а вот Аниська задубела. Свело ее судорогой, да так,



что ни руки, ни ноги не сгибались. Ей-ные подружки побежали, позвали Анну и Алексея. Они тут же примчались. Взяли дочку, принесли домой, а она уже синеть начала. Лежит хрипит. Ну, думают Петрины, счас умрет Аниська. Заплакали, а тут я к ним пришел. Петрины притихли, смотрят — что делать буду? А что мне было делать? Помолился Богу, подошел к Аниське и своей березовой тросточкой стукнул ее по лбу. Три раза ударил. Анна испугалась — чего это я делаю? Смолчала, однако. И тут Аниська порозовела, очнулась да сразу же заснула. Трое суток проспала. Трое суток не открывала глаз. А когда проснулась, то попросила Анну покормить ее. Выжила девочка, выздоровела. Вот такая она — милость Божия.

— А зачем ты Аниську палкой-то стукнул? — удивленно спросила маменька.

— Так надо было, — хитровато сощурившись, ответил старец и отодвинул от себя



подставленную ему маменькой чашку с чаем. — Ну ты слушай, слушай...

Росла, значит, Аниська родителям на радость. Все старалась чем-нибудь да помочь им. А воспитывалась в строгости и послушании. Петрины перед великими праздниками три дня едят только хлеб с водой. И Аниське то же самое давали. Приучали к строгим постам и долгим молитвам.

Вот так Аниська чуть не монашеское послушание проходила. За то и благодать от Господа получила. А если есть благодать, то все остальное, что нужно, приложится, а что не нужно — само отойдет. От Аниськи отошло желание играть со сверстниками. Зато пришло желание слушать сказы и наставления старцев, которые часто бывают у Петриных. Желание молиться в церкви и петь на клиросе. Заприметил ее ялтуновский батюшка и пригласил в хор. Сначала она, конечно же, пела так себе. Неумеючи.



А потом приучилась. Теперь без нее и пение не пение. Голос у Аниськи красивый. Плывет он по храму в святом кадильном дыму, распускается, как лилия на водной глади. Хорошо! А мама Аниське как-то высказала:

— Ты своим пением того... не кичись...

А та — как провинилась в чем-то. Опустила глаза, опасливо ответила:

— Давид-псалмопевец наказывал славить Господа на органе и гусях. А куда мне до гуслей? Худо-бедно голосом Господа славлю, и то дело.

Умница Аниська, право слово умница. Да ты, Лизка, сама это увидишь. Потом...

Опять потом. Когда — потом? Мне вдруг так захотелось поскорее познакомиться с Аниськой, так захотелось, что даже нос зачесался.

— Погоди, погоди, егоза. Время не кобыла. Вот... А пока послушай про Мотрю. Когда она родилась, к Петриным зашел один





старец. Взял Мотрю на руки и держал ее, держал, качал да что-то приговаривал. Анна к нему и так и сяк, устал, мол, дай Матрешу мне... А он не давал. Так и держал, целых три часа кряду. Потом отдал и ушел, а Петрины все гадали, к чему это он так долго держал девочку на руках. А потом от врачей узнали, что у Мотри порок сердца. Стал за нее тот старец молиться усердно, и вот — растет девочка живой, крепенькой, как грибок-боровичок. Петрины ее с детства к молитве приучили. Один раз, когда Мотре было всего пять годков, Анна пришла с ней к ялтуновскому священнику в гости, а он и спрашивает:

— Ты, Матреша, креститься-то умеешь?

Она перекрестилась. Да так благоговейно, так чинно, что священник удивился.

— А молитовку какую-нибудь знаешь?

Молитовку... Мотря прочитала ему «Отче наш», «Верую», «Богородице Дево,



радуйся» да еще пропела тропарь мученице Параскеве, который мало кто знает.

А к десяти годам стала у Мотри смекалка проявляться. Вот как-то собрался Алексей в Шацк. Перед Троицей это было. В этот праздник со всех шацких церквей прихожане общим Крестным ходом ходят. Ох, и хорошо... Идет этот ход, колышется, как дубрава. Священники поют: «Благословен еси, Христе Боже наш, Иже премудры ловцы явлей, низпослав им Духа Святаго, и теми уловлей вселенную...», а крестоходцы подпевают: «Пресвятая Троице, Боже наш, Слава Тебе». И возносится их дружное пение прямо в небеса. И птицы поют, и каждый листочек и каждая травинка Бога славят. А небеса — ликуют, ликовствуют. Хорошо!

Ну, вот собрался, значит, Алексей в Шацк, и Мотря попросилась идти вместе с ним.

— Куда тебе в такой путь? — сказал ей отец. — Идти десять верст. А вставать



надо в четыре утра. Не встанешь ты в такую рань.

— А вот и встану, — задиристо сказала Мотря, — только ты меня спать рядом с собой положи.

Усмехнулся Алексей:

— Ну, будь по-твоему. Ложись спать вместе со мной. Если проспичь — не обессудь. Один уйду.

И что бы вы думали? Мотря, когда отец уснул, привязала поясок к его ночной рубашке и положила конец этого пояска себе под подушку. Это чтобы почувать, когда батюшка вставать будет. Так и случилось. Стал Алексей вставать, Матрешин поясок дернулся и разбудил ее. Удивился Алексей, улыбнулся, огладил рыжеватую бороду и сказал Мотре:

— Ты, синица, не велика птица, да сметливица.

Ныне Мотря вместе с Аниськой на клиросе в Троицкой церкви поет. И голос у нее



тоже красивый, бархатистый такой. А поскольку она сметливая, Алексей и Анна отдали ее в школу. Мотря два класса в ней закончила, читать умеет. Молится по книгам, читает вслух для всей семьи акафисты и жития святых. Вот...

А четвертого февраля девятьсот десятого года Анна Петрина родила еще двух девочек — двойняшек. Назвали их Марией и Агафьей. Только Машенька вскорости скончалась. А Ганя жива, хоть и слаба здоровьем. Сейчас за ней присматривает сестрица Матреша. Внимательная, исполнительная девочка. Только напугана очень. С детства, с пяти лет. Это наш урядник Мотрю напугал — побил при ней палкой ее маму, Анну. Ну и случилось что-то с девочкой. С тех пор у нее руки трясутся. Она даже рукодельничать не может.

— Господи, помилуй! — округлив глаза воскликнула маменька, моя маменька. —



Грех-то какой, праведницу обижать... Что ж это урядник так распалился?

— Обличила она его при всем честном народе. Он, ржавая его душа, деньги берет с простых людей. За устройство дел всяческих: ну там спор какой решить или порядок где навести, так он берет сторону того, кто ему денежку дает. А то, что она праведница... Кто об этом знает? Ее больше знают как «бабу с вывихами».

— Это как?

— Ну, думают, что Анна не в своем уме...

— А она что?

— Она-то? Юродам молва как овцам трава. Съедят и не заметят.

— А какая молва бывает о юродивых?

— Мир о них так судит: «Все люди как люди, живут себе, Богу молятся, добрые дела делают, а юроды дурака валяют».

— Разве это плохо, когда люди добро стараются делать, когда хорошей молвы о себе



хотят? — с сомнением спросила я Василия Афанасьевича.

— Сурьезный вопрос, егоза... э-э... Елизавета Флоровна! Да, люди, конечное дело, хотят после себя добрую память оставить. Только как оно порой бывает? Смотришь на некоторых таких, добреньких... Они и смиренные вроде, негордые. Все хорошо, пока кто-то на них клеветать не начнет. Тогда они так переживают, что грехи себе наживают. Раздражительность, гневливость... Добрые дела не ради доброй молвы надо делать. Господь сказал, что, если ты творишь милостыню, «пусть левая рука твоя не знает, что делает правая».

— Это как же? — заерзала я. — Как же? Я сама руками управляю, знаю, чего они должны делать.

— Любезная Елизавета Флоровна, — по-учительски заговорил Карпуня-книгочей. Взял чашку с чаем и, отхлебнув глоток, продолжил: — Расскажу я вам простенькую



историю. Дело было так. Лет двадцать тому назад были в нашей губернии пожары. Страшные, жуткие пожары. Помнишь, Акулина Трифоновна?

— Помню, как не помнить, — вздрогнула маменька.

— Ну вот, после этих пожаров несчастные погорельцы по всему нашему уезду ходили. Помогали им люди как могли. И вот решили богатеи нашего села Ялтуново помочь им. Собрали одежду, еду. Как раздавать? Один из богатеев, Иван Сидоров, встретил Анну Петрину и посоветовался. А та ему говорит: «Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая». — «Это как?» — спросил он. «Да так. Раздавайте тихо, мирно, каждому, кто нуждается». — «Ну, мы же во славу Божию еду раздать хотим. Бесплатно. Пусть все люди знают, что мы им помочь хотим». — «Неплохое дело вы задумали. Да, неплохое... Только ничего у вас



не выйдет. Правая и левая рука значат тайну милостыни».

Карпунин замолчал и опустил глаза на пол, разглядывая затейливые, похожие на цветочные клумбы половички. А я заерзала:

— Ну и чем дело-то кончилось?

— А тем, — сказал Карпунин, подняв с половичка крошку хлеба и положив ее в рот, — что бедным ни крошки не досталось.

— Как так?

— А так. Собрали богатеи одежду да еду, принесли к ялтуновскому храму и стали раздавать. Набежали на раздачу пройдохи, оттеснили погорельцев и в первую очередь стали все разбирать. А когда пришла очередь погорельцев, там уже — фью! — пусто.

Потому я к Петриным почтение имею. Они странникам не ради доброй молвы ночлег дают, кормят и поят их. Христа ради они это делают. И трудятся Петрины от зари до





зари. Землю обрабатывают, урожаи большие собирают, скотину держат, кур, гусей. А сами постанутся.

— Куда ж они урожаём девают? И скотина им зачем, коль они постанутся все время? — спросила я.

— Так я уж сказал: нищих да странников кормят. Петрины за год одной картошки по сорок мешков собирают, а к весне ее даже на семена не хватает. Вот... Бывало, Анна свои и мужнины лапти странникам отдавала. Так и ходили Петрины босиком.

Маменька встала из-за стола, подошла к божнице и ласково поправила угасающий фитиль лампы. Огонек ожил и благодарно затрепетал.

— Да... — сказала маменька. — Анна и Алексей — Божии люди. Свет веры во тьме мира.

— Как есть огоньки праведничества. Тихие, теплые. Только вот о чем сказать хочу.



Григорий подошел к маменьке, ловко взял под ручку и усадил на лавку.

— Хочу я, свет мой Акулина Трифонова, про молву с тобой поговорить. Особо о таком случае. Было дело — пошла об Анне Петриной добрая молва. И вот что она сделала. Пришла на ледяную горку, с которой ребяташки скатывались, задрала юбку и скатилась прямо на попе. Мужики да бабы забурчали-заворчали недовольно, а когда Алексей подошел, на него даже прикрикнули: «Ты чего это, мил друг, жену распустил? Посмотри, что она тут пред ребяташками вытворяет!» Ну, Алексей — он не лыком шит. «А я чего? Я ничего... — говорит. — У нее ведь всего-навсего одна юбка. Другой нету. Нельзя же последнюю юбку рвать. Вот и скатилась моя Аннушка как могла».

После этого односельчане перестали в Петриных видеть праведников. Разговоры об этом умолкли. Да ненадолго. Проведал



народ, что к ним старцы ходят, и опять за-  
уважал — вот, мол, Петрины какие люди,  
к ним даже старцы ходят.

Анне от такого уважения тревожно ста-  
ло, ну прямо не по себе, и все тут. Она мне  
даже пожаловалась на это. «А ты возьми  
кочергу, сядь на нее да опять скатись с гор-  
ки», — посоветовал я.

Она так и сделала. Кто-то снова стал  
ее укорять, кто-то насмешничать. Опять  
умолкли разговоры про ее праведность,  
и опять ненадолго. Второй раз фокус-покус  
с горкой не прошел. Тогда я сказал Анне,  
чтобы она ходила, надев на одну ногу ла-  
поть, а на другую валенок, а в церкви на  
службе стояла, держа в руках поленья. Все  
это она исполнила. Народ простил ее за гор-  
ку, даже за валенок с лаптем простил, а вот  
то, что она на службе с поленьями в руках  
стояла... После этого люди Анну стороной  
стали обходить. Только те, кто понимал, что  
она юродствует, — те завсегда уважительно



ее встречали, даже кланялись при встрече. А некоторые бабы да девицы стали к Анне по ночам домой ходить. Собираются, молятся, духовные песни при лучине поют. Лучина горит, потрескивает, как будто подпеваает. Огонек у нее как живой: колышется-колыхается. А песни хоть и грустные, да назидательные. Вот послушайте.

И Василий Афанасьевич, подперев длинной натруженной ладонью заросшую кудреватой бородой щеку, запел:

Тужит-плачет душа наша  
Перед Спасовым перед образом,  
С чем прийти ей, подъявитися  
На Страшной Суд да на праведной.  
Не поможет душам нашим  
Ни злато, ни серебро,  
Ни прелесть наша лицемерная,  
Ни скупость наша лукавая,  
Ни гордость безумная.  
Толико помогут душам нашим  
Вера верная, православная,  
Смирение да терпение,  
Слезы с плачем, с покаянием.



Хорошо спел Карпунин, умильно. А потом опустил задумчиво свою кудлатую головушку и сказал:

— Да уж, любят, любят христианочки у Петриных собираться. Особо когда к ним старец Григорий Томин приходит. Молитвенник, прозорливец. Его так уважают, так почитают, что зовут, как священника: отец Григорий. У него с Анной такой случай был. Прознав, что христианочки Анну почитают, назвал он ее при них воровкой, а потом приказал: «Не пой с ними песен. Лезь под лавку и лежи там».

Она и залезла, а старец сел на эту лавку и стал ее ногой толкать. «Это какие же тяжкие грехи Анна наделала, коли отец Григорий с ней так обращается?» — говорили между собой собравшиеся у Петриных христианочки.

— А и впрямь: за какие грехи он так с ней поступил? — всполошилась маменька.



— Смирению учил. Тщеславие от нее отгонял, — сухо ответил старец.

— Разве худо, когда люди праведника не обижают, а уважают, не злословят, а добрым словом поминают?

— Да что ж ты не вразумишься никак? — возвысил голос Василий Афанасьевич, нахмутив свои красивые брови. — Я уж говорил про это... Про мирскую похвалу. Это ведь награда от мира сего — похвала людская. А Христос сказал, чтобы мы не творили милостыни пред людьми так, чтобы нас примечали. Иначе не будет нам награды от Отца Небесного. Тот, кто на земле награду получает, тот на небесах может ее лишиться. Вот...

Маменька смутилась, зарделась, а потом опять за свое:

— Погоди, Василий, а как же слова Христовы: «Да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного»?



А Григорий праведницу под лавку загнал, да еще ногой наподдал! Видано ли такое дело?

— Кх-м... Ты, Акулина, чего-то не того... Не того чего-то... Христос сказал, чтобы за добрые дела люди славили не человека, пускай и доброго, а Бога, Который помогает человеку добро делать. А если славят человека, тогда зачем их делать-то, дела добрые? Они хороши, когда ради Христа делаются, а когда ради себя, то, может, лучше их и вовсе не делать? Ведь спросится на Суде Божиим за самоугодие. Строго спросится.

Эхе-хе... Старец Григорий Анну Петри-ну под лавку загнал... А смирение, душу спасающее, откуда берется? Из-под лавки! Из послушания. Анна, слушаясь старцев, не просто так юродствует. Она, смиряясь, сама спасается и других спасает. Вот, к примеру, на свадьбах пьяной притворяется. А для чего? Совесть Анна расшеве-



ливаает у тех, кто на свадьбах пьет да буянит. А бывает, она пьяной притворится да под лавку заберется. Лежит там и молится, чтоб на свадьбе меньше пили и буянили, и опять же, чтоб у людей непотребных совесть расшевелить. И сколько случаев было, когда пьяницы-дебоширы вразумлялись и в церковь начинали ходить, грехи замаливать. А что про нее скажут, про то Анна не думает.

Конечное дело, люди хотят, чтобы их добрым словом поминали, чтоб, понимаешь, похвалили... А юродивые бегут от похвалы. Христос в Своей земной жизни что претерпел? Насмешки, побои да мученическую смерть. И юродивые по Христовым стопочкам идут... Так что, Акулина Трифоновна, не ищи славы, но и не скорби, когда тебя обесславят. Всему радуйся, за все Бога благодари.

— Так только праведники поступать могут, — грустно-задумчиво сказала маменька,





а потом продолжила: — А я что? Живу, копаюсь в огороде, как жук навозный.

— Знаешь что, Акулина, подай-ка мне Новый Завет.

Маменька достала книгу с полки и подала. Василий Афанасьевич нашел в ней нужную главу и крикнул:

— Кх-м... Ты вот чего... Делаешь добро странникам, кормишь их. Слышал я, что ты больным помогаешь. Ну и хватит с тебя. Вот послушай-ка Христовы слова: «Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне». Тогда праведники скажут Ему в ответ: «Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим,



и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе?» И Царь скажет им в ответ: «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне».

Маменька, слушая Карпуню-книгочея, всплакнула. Плакала неслышно, не утирая теплых, милых слезинок. А старец вежливо отвернулся от нее и стал смотреть в окошко, за которым от солнца искрился, как рождественская риза священника, снег, а в неисчислимых снежно-солнечных искорках отражалась Божия слава...

## *Глава 2*

### *Мужичок-лесовичок*

Другой старец, Григорий Томин, наставлявший Петриных, стал захаживать в наш поросший мхом лесной домик немного позже Василия Афанасьевича, к концу девятысот шестнадцатого года. Маменька была



уже слышана о нем. Сказывала, что родом Томин был из деревни Сявель. А в нескольких верстах от нее, на берегу реки Цны, Никольский монастырь стоит. Красавец монастырь, статный, как богатырь. Стоит, оберегает святорусский простор.

Григорий был в этой обители трудником. Еще в юности там подвизался. Сначала отец-то, Артамон, не пускал его туда. Артамону помощник по хозяйству нужен был. Дюже он на сына надеялся. Узнав, что Григорий в монастырь собирается, строго-настрого запретил ему даже думать об этом. А тот не послушал, ушел в обитель. Отец так рассердился, что насильно увел его из монастыря. Да не в дом свой увел, а прямо в полицейский участок, в село Кермись, к уряднику. Крут был нравом Артамон, ой, крут. Привел его, значит, к уряднику да отстегал плеткой. А в плетке той железная проволока была завита. Бедный Григорий! У него вся рубашка в крови была.



## Содержание

### Трисвечница

От автора .....	7
Часть I	
Карпуня-книгочей и старец Григорий ....	10
Глава 1. На хуторке .....	10
Глава 2. Мужичок-лесовичок .....	37
Глава 2. Старшая подружка .....	61
Часть II	
Анисьин «монастырь» .....	78
Глава 1. Возведение в стригачки .....	78
Глава 2. Правда ушла на небеса .....	94
Глава 3. Крысы в бараке .....	115
Глава 4. Анисьин «монастырь» .....	140
Часть III	
Молитвы и труды .....	164
Глава 1. Поклончик батюшке Кириону .....	164
Глава 2. Молитвы и труды .....	199

## Полюшка

От автора .....	223
Часть I	
Виджу свет .....	225
Глава 1. Надломленный цветочек .....	225
Глава 2. На всякий случай .....	238
Глава 3. Лопухи за спиной .....	250
Часть II	
Блажная .....	261
Глава 1. Как без воздуха... ..	261
Глава 2. Будете наказаны .....	273
Глава 3. Званный гость .....	285
Глава 4. Блажная .....	300
Часть III	
У батюшки Сергия .....	309
Глава 1. Лопнувшая голова .....	309
Глава 2. Поучения .....	314
Глава 3. Про нрав и норов .....	319
Часть IV	
Колотушка мытаря .....	329
Глава 1. Лекция про пескарика .....	329

Глава 2. Колотушка мытаря .....	336
Часть V	
Земные слезы .....	347
Глава 1. Спасется малое стадо .....	347
Глава 2. Огонь огнем тушить надо .....	355
Глава 3. Поминки .....	363

